

HAL
open science

Бретонский язык вчера, сегодня, завтра

Ronan Le Coadic

► To cite this version:

Ronan Le Coadic. Бретонский язык вчера, сегодня, завтра. Филиппова Елена. Языки меньшинств. Юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог, Институт этнологии и антропологии, pp.104-124, 2013. <hal-02911675>

HAL Id: hal-02911675

<https://hal.science/hal-02911675v1>

Submitted on 31 Aug 2020

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

МЫ СТОЛКНУЛИСЬ С ВРАГОМ, И ОН – ЭТО МЫ:¹ бретонский язык вчера, сегодня, завтра

Ронан Ле Коадик²

За 60 лет – с 1950-х по 2010-е годы – число носителей бретонского языка упало с миллиона до двухсот тысяч человек, и есть опасения, что к концу нынешнего века оно сократится до двадцати тысяч. Как объяснить столь стремительное сокращение жизненного пространства языка, а главное – в какой мере можно надеяться на то, что удастся как-то смягчить эту тенденцию? В настоящей статье я утверждаю, что если в прошлом французское государство сыграло важную роль в языковом сдвиге, то сегодня будущее языка зависит, прежде всего, от пробуждения коллективного сознания бретонского общества. Проанализировав упадок бретонского языка и ту роль, которую могло в этом играть государство, мы упомянем об эффекте ножниц, который выражается в том, что вот уже на протяжении нескольких десятилетий практическое использование языка сокращается, тогда как интерес к нему постоянно растет; это позволит нам, в заключение, остановиться на вырисовывающихся перспективах и путях его развития.

Метод

Статья опирается на два корпуса полуформализованных интервью, записанных автором: первый – на протяжении 1993-1994 годов. Он состоит из 61 интервью, среди которых 15 предварительных интер-

¹ Как говорит Джошуа Фишман, «Проблема языков, находящихся в опасности, еще более осложняется тем обстоятельством, что «враг» не только не признан, но часто он является *persona grata* даже среди ярых защитников языка («Мы столкнулись с врагом, и он – это мы», как говорил персонаж мультфильма Пого более чем поколение тому назад) В кн.: *Can threatened languages be saved?*, Multilingual Matters, 2001, p. 6.

² © Ronan Le Coadic, Université Européenne de Bretagne/Université Rennes 2, CRBC, EA 4451, F-35000 Rennes, France

вью с экспертами по «бретонскому вопросу» и 46 интервью со случайно отобранными фермерами, рыбаками и предпринимателями. Вторая серия интервью была записана в 2002 году, она охватывает 40 человек. Выборка построена таким образом, чтобы максимально отразить реальное многообразие населения Бретани (учитывался пол, возраст, социально-профессиональные категории и географическое происхождение опрошенных).

Полуформализованное интервью представляет собой качественный метод, цель которого – позволить респонденту максимально свободно излагать свои мысли. Вначале задается открытый вопрос («ориентировка»), сформулированный таким образом, чтобы ясно дать понять респонденту, что исследователя интересует именно его *личное* мнение, и что у него в распоряжении много времени. Задача интервьюера – молча и внимательно слушать респондента, давая ему необходимое время на размышление. Затем с помощью различных наводящих вопросов интервьюер помогает опрашиваемому, с одной стороны, углубить свои размышления, с другой – ненавязчиво (избегая прямых вопросов) ввести в разговор те сюжеты, которые не были упомянуты спонтанно. Такой тип интервью позволяет собрать очень богатый и содержательный материал. Записанные интервью расшифровываются дословно и подвергаются углубленному анализу.

Роль государства в языковом сдвиге

Использование бретонского языка стало резко сокращаться, начиная с 1950-х годов. Как объясняют это сокращение ученые и обычные люди?

Когда на рубеже античности и Средних веков бретонцы переселились с британских островов на Арморику, все они, независимо от социального положения, говорили на бретонском языке. До тех пор, пока Бретань оставалась небольшим беспокойным, а иногда и воинственным королевством, ее язык процветал и был известен даже за границей (Fleuriot, 1980:92). Но по мере того как Бретань теряла свою самостоятельность, а ее элита в политическом и социологическом отношении сближалась с французской элитой, постепенно, сверху вниз по социальной лестнице, происходил отказ от бретонского языка. Последним властителем, говорившим по-бретонски, был герцог Ален IV по прозвищу Ален Ферган, правивший с 1084 по 1112 год. Однако даже забытый властелином и аристократией, язык

еще несколько веков сохранял социальный престиж (Fleuriot, 1987:7-28; Le Coadic, 1998:124). Сельское население Нижней Бретани³ массово говорило на нем вплоть до начала XX века. В 1845 году историк Питр-Шевалье назвал языковую границу «китайской стеной бретонского языка» (Le Gallo, 1987:145). Это говорит о том, что бретонский язык был распространен среди населения и был единственным, потому что не владеющие этим языком, наталкиваясь на «китайскую стену», были вынуждены прибегать к услугам переводчиков, чтобы их поняли. В 1946 году Ф. Гурвиль оценивал число носителей бретонского языка в границах Нижней Бретани в миллион сто тысяч человек, в числе которых он различал примерно сто тысяч совсем не знавших французского языка; около 700 тысяч знавших французский, но говоривших в основном на бретонском; и около 300 тысяч знавших бретонский, но говоривших преимущественно на французском. Еще около 400 тысяч человек, населявших эту территорию (в основном ее города), были франкоязычны и совсем не владели бретонским языком (цит. по: Broudic, 2009:33). В 1970-е годы бретонский язык в Нижней Бретани становится языком меньшинства, хотя точно установить число его носителей не представляется возможным, поскольку вопросы о владении и пользовании языками отсутствуют в переписных анкетах; нет и массовых социологических исследований на эту тему. Первым – и единственным на сегодняшний день – исследованием по общенациональной выборке⁴, затрагивающим проблему использования и межпоколенной передачи региональных и иностранных языков, является исследование «Изучение семейной истории», реализованное в 1999 году совместно Национальным статистическим и Национальным демографическим институтами⁵. Оно выявило 304 тысячи носителей⁶ бретонского языка на

³ Нижняя Бретань – западная часть Бретани, регион традиционного распространения бретонского языка.

⁴ Были опрошены 380 000 человек в возрасте от 18 лет, в том числе более 40 000 человек в Бретани. О выборке и программе исследования см. также сноску 4 на стр. 173 (ред.).

⁵ *Insee*, Национальный экономико-статистический институт, и *Ined*, Национальный демографический институт – два государственных учреждения, тесно сотрудничающие друг с другом. *Insee* является подразделением Министерства финансов с числом служащих более 5000 человек. Его задача – производство официальных статистических данных. *Ined* – это научно-исследовательский институт со штатом около 200 человек, специализирующийся на демографии.

всей территории французской метрополии (Héran, Filhon, et Deprez, 2002), в том числе 257 тысяч в административном регионе Бретань⁷ (Boëtté, 2003), или около 265 тысяч в границах исторической Бретани. Кроме того, результаты исследования показали, что это в основном пожилые люди. «В 1999 году три четверти говорящих на бретонском языке были старше 50, а половина – старше 65 лет» (Boëtté, 2003:20). ЮНЕСКО признало бретонский язык находящимся «в серьезной опасности» (Moseley 2010), что неудивительно, принимая во внимание то, о чем мы только что рассказали. Хотя, как уже было сказано, ни одного масштабного исследования языковых практик и межпоколенной передачи языков во Франции не проводилось с 1999 года, опрос⁸, проведенный в 2007 году, показывает, что упадок бретонского языка продолжается быстрыми темпами. Количество его носителей в границах исторической Бретани за 8 лет сократилось с 265 до 194 тысяч человек. Если добавить к ним одиннадцать с половиной тысяч учеников двуязычных французско-бретонских школ в возрасте менее 15 лет, мы, конечно, с трудом, но преодолеем символический барьер в 200 тысяч носителей, доведя итоговое число до 206 тысяч человек (Broudic, 2009:63-64); тем не менее, ситуация со всей очевидностью внушает серьезные опасения. Прежде чем делать какие-либо прогнозы на будущее, нужно сначала задаться вопросом о том, как мы дошли до такого положения.

Факторы упадка

Французское государство боролось с региональными языками, начиная с эпохи революционного террора. Но поначалу речь шла скорее о пренебрежительном противопоставлении «прекраснейшего языка

⁶ Под «носителями языка» подразумевались лица, ответившие, что им случается говорить на этом языке со своими близкими. Таким образом, в поле зрения анкеты попали только активные носители языка.

⁷ Административный регион Бретань включает четыре департамента: Кот-д'Армор, Финистер, Иль-и-Вилен и Морбиан. Пятый департамент, Атлантическая Луара, был частью Бретани до 1941 года, и его возвращение в состав региона является одним из постоянных требований бретонского регионального движения. В 1999 году в этом департаменте насчитывалось 0,7% носителей бретонского языка, т.е. немногим менее 8000 человек.

⁸ Опрос был организован институтом *TMO Régions* в период между 3 и 19 декабря 2007 года. Выборка составила 3 109 человек.

Европы» (французского) и «местных диалектов, поддерживающих фанатизм и суеверия», (Varèze, 1794), нежели о настоящей государственной политике. Надо было дожидаться Третьей Республики, часто прославляемой ныне за ее прогрессизм, несмотря на то, что она показала себя также как националистическая и империалистическая, чтобы увидеть в действии активную политику борьбы с региональными языками. Республиканская школа – наряду с воинской службой, где молодым призывникам приходилось понимать и говорить по-французски, была основным и неприкрытым инструментом этой политики. Ученик, замеченный за разговором на местном наречии (в нашем случае – на бретонском), получал от учителя специальную метку, называемую «символом». Избавиться от нее он мог, только передав, в свою очередь, другому ученику, совершившему то же прегрешение. В конце дня тот учащийся, у кого на руках оставался «символ», подвергался наказанию. «Приучая таким образом детей шпионить за своими товарищами, – писал А. Ле Браз, – школа воспитывала в них образцовых учеников полицейских (цит. по: Piriou, 1971:30), а главное – воспитывала в них презрение к родному языку и культуре». Об этой политике много писали и говорили лидеры бретонского культурного движения, видевшие в ней основную причину стремительно-го упадка бретонского языка. Но действительно ли это так?

Несколько недавних работ призывают не преувеличивать роль республиканской школы в языковом сдвиге. Они выдвигают три типа аргументов. Прежде всего, отмечают они, реальное поведение учителей в классах было не столь однозначным, как того могли ожидать от них министры, префекты и иные проверяющие инстанции. Недостаточно было того, чтобы некий инспектор академии заявил в 1897 году: «принцип, которого следует придерживаться неуклонно: ни слова на бретонском ни в классе, ни в школьном дворе» (Monnier et Cassard, 1997:513), чтобы учителя на деле не проявляли определенную гибкость. Эту точку зрения отстаивает, в частности, Ж.-Ф. Шане (Chanet, 1996). Второй аргумент: одни только учителя, даже если бы они того хотели, не смогли бы добиться языкового сдвига: для этого нужно было участие родителей. Два обстоятельства подтверждают этот тезис: во-первых, сравнительная неэффективность школьной политики вплоть до 1950-х годов, – времени, до которого сохранялось бытование бретонского языка (Broudic, 1995:371-374), и, во-вторых – то, что региональные языки в той или иной мере дожили до наших дней (Chanet, 1996:203). Наконец, третий аргумент – важная роль экономических и социальных факторов, которые гораздо сильнее, чем школа, подталкивали к овладению французским языком, а то и к полному переходу на него, население Нижней Бретани (Broudic, 1993:1106, 1109).

С приведенными выше аргументами трудно спорить. Но в то же время не следует закрывать глаза ни на жесткость школьной политики в отношении языков, ни на глубину ее воздействия. В 2000 году были опубликованы результаты исследования, ставившего своей целью проверить, действительно ли детям, не понимавшим французского языка, запрещали говорить по-бретонски на переменах. Было опрошено 130 человек в 56 коммунах департамента Кот-д'Армор. Среди них 123 человека (94,6 %) сталкивались с запретом говорить по-бретонски и 48 человек вспомнили, что получали от учителя позорный «символ» (An Du 2000). Эти цифры почти не оставляют места сомнениям, как и свидетельства опрошенных о тех ощущениях, которые вызывала у них школа: «мы чувствовали себя глупыми»; «мы не могли рассказать того, что мы знали»; «мы все время боялись»; «мы объяснялись жестами», «мы были внутренне подавлены», «нам было стыдно», и т.п. Что же касается «желания сменить язык» у жителей Бретани, то здесь не следует путать причину и следствие. Если бретонцы отказывались от своего языка ради социального продвижения, то потому, что государственные структуры исключали (и поныне исключают, следует это признать) местные языки из престижных сфер общественной жизни. Двужычные структуры, подобные тем, что существуют в других европейских (и не только) странах и не ведут к отказу от местных языков, конечно, возможны, но они должны быть официально и политически признанными. Таким образом, причиной угасания региональных языков является политическое решение «сверху», установившее официальное моноязычие, а отказ от употребления региональных языков – лишь следствие этого решения. (Blanchet, 1995:156).

А что думают об этом сами бретонцы?

В ходе серии полуформализованных интервью о бретонской идентичности, которые я проводил в середине 1990-х годов, вопрос о смене языка некоторые мои собеседники поднимали по собственной инициативе (Le Coadic, 1998:196-202). Они говорили как о тех факторах, которые способствовали переходу на французский, так и о причинах этого явления. Интервьюируемые, которым на тот момент было в среднем около 40 лет, непосредственно не имели дела с «символом» (за исключением самых старших из них). Тем не менее, все или почти все обвиняли школу в стремительном прекращении межпоколенной передачи бретонского языка.

Гаэль (рыбак на пенсии, 63 года): Дома, в семье мы говорили только на бретонском. (...) Очень тяжело было в школе, где меня

били по пальцам за то, что я говорил по-бретонски, в то время как по-французски я изъясняться не умел.

Янн (руководитель предприятия, 58 лет): Это совсем не случайно! Бретонский язык уничтожали (...) Его уничтожали – да Вы и сами это знаете: в школах говорить по-бретонски было запрещено. И достаточно было заговорить на этом языке в школьном дворе, чтобы получить ослиный колпак.

Алина (фермер, 34 года): Когда я была в школе, в детстве, было почти стыдно иметь такое окружение, как у нас дома – т.е. иметь родителей, которые говорили с нами по-бретонски (...) Поэтому мы чувствовали в этом какой-то изъян. Надо было это скрывать. Для нас это было примерно как нарыв, который никому не надо было показывать. Как горб. Как увечье.

Интервьюируемые называли и других виновников смены языка: в частности, собственных родителей:

Жак (предприниматель, 48 лет): Им так часто говорили, что дети не должны говорить по-бретонски, что они избегали говорить на этом языке в моем присутствии.

Но среди прочих факторов именно школу опрошенные называли столь единодушно.

Зачем же запрещать бретонский язык? Такого вопроса я не задавал, и не все интервьюируемые его затрагивали. Тем не менее, те, кто все же поднимал эту тему, не сомневались: деятельность школы была частью общей сознательной политики по искоренению бретонского языка. Только Элен, по-видимому, наиболее травмированная опытом своей школьной жизни, не видит в борьбе с бретонским языком другой цели, помимо желанья добиться хорошего владения учениками французским языком:

Элен (жена рыбака, 42 года): Им запрещали говорить по-бретонски, чтобы они лучше выучили французский язык.

Похоже, ей не приходит в голову, что можно было бы научить детей французскому языку, не борясь при этом с бретонским языком. Другие, напротив, думают, что все могло бы быть по-иному:

Алина (фермер, 34 года): Потом мы это поняли, надо же было, чтобы школа, чтобы все окружение во времена нашей юности побуждали нас говорить на этом языке, надо было прожить это время по-другому, не так как мы его прожили. (...) Это неправильно! Это до такой степени неправильно! Потому что все могло бы быть по-другому!

Несколько интервьюируемых открыто критиковали французское государство:

Даниэль (рыбак, 41 год): Французское государство сделало все, чтобы ликвидировать это. Теперь они с трудом пытаются все восстановить. Это так. И язык тоже, я уверен! (...) Но это все государство, а? Это государство! (...) Это французское государство сделало. Потому что раньше они все говорили только на бретонском. (...) Это правда, что государство... Нужно было говорить по-французски!

Итак, кажется ясным, что государство сыграло большую роль в стремительном упадке бретонского языка, как посредством активной школьной политики, так и отказом допустить билингвизм на каком бы то ни было уровне общественной жизни. Бретонцы, находящиеся в ситуации двойного доминирования – социального (отсутствие перспектив социального роста для носителей бретонского языка) и идеологического (французский – язык, предназначением которого было «передать миру самое утонченное свободомыслие», тогда как бретонский считался «варварским инструментом суеверных помыслов» (Vaèrè 1794)), считали, что у них нет другого выбора, как только подчиниться требованию монолингвизма, исходящему от государства-нации, архетипа современности. Упадок бретонского языка, тем не менее, не был ни тотальным, ни бесповоротным.

Эффект ножниц и роль бретонского движения

С XIX по начало XX века «быть современным» означало порвать с местным, локальным, считавшимся средоточием удушающего общинного духа, господства духовенства и знати, а также всевозможных проявлений мракобесия и отсталости (Le Coadic, 2001). Государство было центральной и священной фигурой современности. Но начиная с 1960-х годов это понимание современности меняется на противоположное. В ходе событий мая-июня 1968 года все аспекты «буржуазной» современности – будь то само государство, разделение на частное и общественное, представительная демократия, секуляризм, либеральный индивидуализм, позитивизм или общество потребления – подверглись жесткой критике. Все запреты, авторитеты, все моральные, религиозные и гуманистические ценности были поставлены под сомнение. За этим освободительным прорывом последовало возникновение новых социальных движений (в частности,

феминистских, экологических и регионалистских), что не осталось без последствий для будущего бретонского языка.

В течение 1970-х годов этническое возрождение, распространяющееся по миру, достигло бретонского полуострова. Это стало полной неожиданностью для населения – которое, как мы видели, под влиянием социального и идеологического доминирования на протяжении вот уже двух десятилетий старалось, осознанно или нет, забыть свой язык – и создало противоречивую ситуацию. С одной стороны, музыкальное возрождение, у истоков которого стояли бретонские композиторы-исполнители Гленмор и Стивел, вызвало пробуждение гордости; с другой – бретонский язык, который по-прежнему воспринимался огромным большинством населения как бесполезный и лишенный будущего, больше не передавался из поколения в поколение. Так начался эффект ножниц.

Расцвет протестных настроений в 1970-е годы создал благоприятную обстановку для развития и обновления культурного движения. Последнее нередко принимает окраску национально-освободительного движения, соединяя борьбу за бретонскую культуру с левыми взглядами. Кроме того, возникают две новые тенденции. С одной стороны, борцы за возрождение языка открывают для себя «народ» и его богатство: молодые собиратели фольклора ездят по деревням в поисках сокровищ устной культурной традиции. С другой стороны, впервые государство обходит стороной: поскольку в государственных школах бретонский язык не преподается, активисты организуются и создают общественные школы *Diwan*, где преподавание языка ведется с позиций прогрессивной педагогики. В первой такой школе, созданной в 1977 году в одном из сел на севере департамента Финистер, было всего пять учеников и один учитель. Но вскоре число учащихся стало расти. Школы *Diwan* непрерывно развиваются, а вслед за ними стали открываться двуязычные классы в государственных и частных католических школах. В 2011 году во всех этих трех типах учебных заведений изучали бретонский язык 13 488 школьников⁹. Это – возрождение.

Глубокие изменения, которыми затронуто все общество, начиная с 1970-х годов, привели к новому пониманию современности, которая отныне обращена к автономии субъекта. Эта эволюция постепенно привела к тому, что бретонцы стали менять отношение к своему языку. Современные мужчины и женщины очень дорожат равен-

⁹ Ofis ar brezhoneg. «Données clés sur breton». http://www.ofis-bzh.org/fr/langue_bretonne/chiffres_cles/index.php (Consulté juin 15, 2011).

ством, которое им гарантирует гражданство. Тем не менее, этого им уже недостаточно, поскольку такое равенство превращает их в безликие существа. А они как раз желают, чтобы их различия также были признаны и встречали дружественное к себе отношение, а не замыкались, как прежде, в сфере частной жизни. Наконец, они хотят самостоятельно решать, как им быть со своей идентичностью: подчеркивать, культивировать или оставлять без внимания те или иные ее составляющие, – а не следовать внешним запретам или предписаниям. Одним словом, современность отныне ассоциируется с требованием автономии во всех сферах жизни, будь то сексуальность, семейные отношения, национальность или что-то еще. В этих условиях бретонцы примиряются со своим языком, который все меньше олицетворяет в их глазах отсталость – напротив, подобно традиционным для той или иной местности продуктам, он становится признаком аутентичности и неповторимого вкуса. Язык, конечно, по-прежнему отчасти связан в сознании многих бретонцев с образами прошлого. Тем не менее, в отличие от их родителей в 1950-е годы, сегодняшние бретонцы не отказываются от своего прошлого, а гордятся им. Они находят в нем источник коллективного самоуважения, а также культуру, которая как им кажется, может помочь выжить в быстро меняющемся обществе. Тем не менее, это примирение является запоздалым и неполным. Увлечение бретонским языком охватило молодежь, горожан и образованных людей, тогда как пожилые крестьяне в Нижней Бретани, говорящие на этом языке, все еще не оправились от ярлыка «отсталых», навешенного на них в давние годы. И в целом, если бретонское общество отныне и благоволит сохранению бретонского языка, то все же видит в нем скорее богатство культурного наследия, нежели инструмент «современной» жизни.

Выходя далеко за рамки бретонского культурного движения, активное использование бретонского языка все же остается уделом меньшинства, хотя в абсолютных цифрах оно не так мало. Оно отлично вписывается в контекст обновленной современности, поскольку является результатом свободного выбора, а не навязано традицией. Нынешние носители бретонского языка связаны в экстерриториальные сети: они могут жить как в городских центрах Верхней Бретани (или в любом другом регионе мира), так и в деревнях Нижней Бретани. В социальном отношении они тоже не обязательно связаны с традиционной бретонскоязычной средой, в их семьях не всегда говорят по-бретонски, да они и вовсе могут не быть бретонцами. Использование бретонского языка может быть более или менее универ-

сальным: некоторые говорят на этом языке только с несколькими друзьями или общаются на нем в интернете, для других он становится языком семейного общения или даже профессиональной деятельности (с бретонским языком в наши дни можно работать не только учителем или университетским преподавателем, но и переводчиком, актером, издателем и т.п.). Тем не менее, возрождение языка ограничено.

Прежде всего, оно ограничено в количественном плане. Несмотря на наглядный рост числа учащихся на двуязычных отделениях, общее число носителей языка, как было показано в первой части статьи, упало с 1 100 000 человек в 1946 году до 206 000 в 2007, причем в большинстве своем это люди старшего возраста. Сократилась и внутрисемейная передача языка: «60% детей получали бретонский язык от родителей в 1920-х годах и лишь 6% – в 1980-х» (Voëtté, 2003:21). Наконец, в 1999 году только 3% родителей, имевших детей моложе 25 лет, ответили на вопрос анкеты, что говорили с ними на бретонском языке. (Voëtté, 2003:22). И это еще не все: отношение к языку также представляет серьезную проблему, создавая идеологическую преграду на пути его возрождения.

В ходе опроса, проведенного в 2001 году, бретонцев спрашивали, что они думают о своем языке (Broudic s. d.).

Бретонский язык – это...	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не ответили
Старинный язык	94 %	6 %	
Наш региональный язык	82 %	18 %	
Обыкновенный язык	63 %	35 %	1 %
Фольклорный язык	61 %	38 %	1 %
Диалект	38 %	59 %	3 %

По данным опроса получается, что 61% бретонцев считают бретонский фольклорным языком. Эта цифра убийственна, если учесть, до какой степени слово «фольклор» носит во Франции уничижительный оттенок. Правда, в то же время 63% опрошенных утверждают, что бретонский ничем не отличается от других языков. Так все-таки: фольклорный язык или такой же, как остальные? Два высказывания, кажется, противоречат друг другу. Однако в этом противоречии можно, по-видимому, различить (как минимум) три уровня осознания проблемы. Благодаря усилиям активистов, сегодня только 38% опрошенных считают бретонский язык «диалектом». Символически он приобрел вес «настоящего» языка – в отличие от диалектов, которые общественное мнение рассматривает как «подвиды» языков.

Напротив, поскольку бретонский язык не имеет официального признания, не является государственным языком и не распространен в мире, он остается «фольклорным» языком. В таком отношении к языку ощущается, с одной стороны, давление государственной идеологии, в значительной степени базирующейся на французском языковом единстве (Dieckhoff, 1997), и с другой – влияние разговоров о глобализации.

Жак (47 лет, предприниматель), в 2002 году так ответил на вопрос о будущей судьбе языков: *Я думаю, что [через 20 лет] будет язык общения, и это будет язык первых экономик мира. Сегодня это английский язык, и я не вижу причин тому, чтобы через 20 лет это не был бы английский. Может быть, через сто лет его место займет какой-то другой. Так что региональные языки, в моем понимании, – это фольклор!* (Le Coadic, 2004:101).

Помимо идеологических преград, есть и иные препятствия к обновлению бретонского языка. Дж. Фишман справедливо отметил: «Большинство современных движений языкового возрождения быстро и вполне естественно, почти как к очевидной истине, пришли к признанию центральной роли школ и преподавания в этом процессе» (Fishman, 1991:368). Так случилось и в Бретани, где 56% носителей языка говорят, что он сохранится благодаря двуязычным школам (Broudic, 2009:159). Однако качество бретонского языка, преподаваемого детям, говорящим по-французски, старательными и увлеченными преподавателями, для большинства из которых, тем не менее, родным языком также является французский, наверное, пока недостаточно изучено. Пьер-Ив Ламбер, специалист в области кельтских языков, на недавней конференции в Ренне¹⁰, привел список основных специфических черт, отличающих кельтские языки от других индоевропейских языков¹¹. Вынужден признать, что среди девяти особенностей бретонского языка¹², составляющих в каком-то смысле его

¹⁰ Colloque “La langue bretonne des origines / Les origines de la langue bretonne” | Université Rennes 2 ». <http://www.univ-rennes2.fr/crbc/actualites/-colloque-langue-bretonne-origines-origines-langue-bretonne> (Consulté juin 15, 2011).

¹¹ Я выражаю глубокую признательность автору за предоставленный в мое распоряжение текст его выступления.

¹² Вот эти девять особенностей: 1). Мутации начальных согласных. 2). Личные местоимения, прикрепленные к предлогам (спрягаемые предлоги); обилие местоимений, прикрепленных к глагольным формам. 3). Так называемый безличный пассив, имеющий единственную форму в каждом времени; своего рода четвертое лицо глагола, как в финском языке. 4).

«сердцевину», большая часть в той или иной степени вызывает затруднения¹³ у значительной части студентов, которым я преподаю вот уже десять лет, и большинство из которых стали за эти годы учителями бретонского языка. Здесь есть о чем задуматься.

Быстрое сокращение практики бретонского языка, с одной стороны, и возрождение интереса к нему (преграды на пути к которому не следует недооценивать) создают, таким образом, эффект ножниц. Язык находится «на перепутье», согласно названию недавнего доклада:¹⁴ его будущее решается в среднесрочной перспективе.

Будущее в среднесрочной перспективе и роль всего общества

Начиная с середины XX века, политика французского государства в отношении региональных языков постепенно смягчается, и происходит это в тот самый момент, когда эти языки резко приходят в упадок. В 1951 году закон впервые разрешает преподавание четырех региональных языков, в числе которых – бретонский¹⁵; в 1975 новый закон устанавливает, что «преподавание региональных языков и культур может производиться на протяжении всего школьного обу-

Два глагола «быть»: один обозначает существование, другой представляет собой грамматический инструмент (так называемая связка, или копула), предназначенный для акцентирования внимания на основной мысли высказывания, а также для построения чрезвычайно распространенных в бретонском языке именных предложений, со связкой или без нее. 5). Отсутствие глагола «иметь», выражаемого с помощью глагола существования с косвенным указанием на персону обладателя. 6). Отсутствие активных причастий и развитое употребление отглагольных существительных. 7). Отсутствие относительных местоимений, вместо которых используются глагольные частицы (бриттские языки) или относительные частицы (гойдельские языки). 8). Преобладающий порядок слов в предложении: глагол-субъект-объект. 9) Наличие респонсива, т.е. краткого повторения вопроса в начале ответного высказывания. (Lambert 2010).

¹³ Трудность для студентов представляет не теоретический грамматический анализ, а практическое использование в речи этих особенностей бретонского языка, которые так сильно отличают его от французского.

¹⁴ « La langue bretonne à la croisée des chemins » (2007). Текст доклада доступен на сайте <http://www.fr.opab-oplb.org/46-situation-de-la-langue.htm>.

¹⁵ Речь идет о Законе 51-46 от 11 января 1951 года о преподавании локальных языков и диалектов (так называемый Закон Дейксона). Он стал первым законом, разрешающим преподавание региональных языков во Франции.

чения»¹⁶; в 1977 Президент Республики предоставляет Бретани Культурную хартию¹⁷; в 1981 открывается вузовская специализация по бретонскому языку, в 1985, введен квалификационный экзамен для преподавателей школ второй ступени – колледжей и лицеев (*Capes*)¹⁸. В то же время государство не отказывается от монолингвизма. Оно даже возводит его в конституционный принцип в 1992 году, когда обе палаты Парламента на своем конгрессе принимают поправку, гласящую: «языком Республики является французский язык» (ст. 2). Эта статья, теоретически предназначенная для противодействия влиянию английского языка на французское общество, служит в основном препятствием для любого существенного развития региональных языков. Действительно, она оправдывает отказ Конституционного совета ратифицировать Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств (1995) и отмену Государственным советом протокола соглашения, которое предусматривало превращение школ *Diwan* в государственные (2002)¹⁹. Государство больше не проявляет активной враждебности к региональным языкам, как это было в прошлом, но в той демографической ситуации, в которой находится сегодня бретонский язык, блокировать любую возможность существенного прогресса вполне достаточно, чтобы способствовать его краху (Le Coadic, 2010:353-356).

В 1999 году, как мы видели, три четверти носителей бретонского языка были старше пятидесяти и каждый второй – старше шестидесяти лет. Как следствие, за прошедшие с тех пор десять лет число носителей языка сократилось, попросту за счет ухода из жизни стариков. По данным Ф. Брудика, основанным не на общенациональном обследовании 1999 года, а на одном из предыдущих опросов, «в 1997 году две трети носителей языка были старше 60 лет. По оценкам, к 2007 году 46% из них, т.е. около 83 тысяч человек, умерли. За это же

¹⁶ Имеется в виду закон 75-620 от 11 июля 1975 года об образовании, называемом законом Аби, по имени Министра образования Франции Рене Аби.

¹⁷ 1970-е годы также отмечены накалом борьбы активистов бретонского движения за автономию и независимость, а также частыми взрывами террористического характера.

¹⁸ Сертификат Профессиональной Пригодности к преподаванию в школах второй ступени – профессиональный диплом, получаемый после прохождения конкурса и дающий право своему обладателю стать титулованным преподавателем коллежа или лицея.

¹⁹ Решение Государственного Совета №248192-248204 – Заседание 28 октября 2002 года, в редакции от 29 ноября 2002 года.

время двуязычные школы окончили 9 тысяч учащихся, чего явно недостаточно для восполнения потери» (Broudic, 2009:73). Учитывая, что доля носителей языка старше 60 лет непрерывно возрастает и составляет на сегодняшний день не менее 70%; что только 2 % жителей Нижней Бретани в возрасте от 20 до 39 лет говорят по-бретонски (Broudic, 2009:66) и что рост численности учащихся в двуязычных классах сокращается, можно прогнозировать лишь стремительное ускорение падения числа носителей языка.

Попытка прогноза

Основываясь на результатах общенационального исследования 1999 года, Бретонский культурный центр сделал попытку прогноза изменения численности носителей языка до конца XXI века. Исходя из констатации того факта, что ежегодные потери вплоть до 2020 года составят от шести до шести с половиной тысяч носителей, а также на анализе возможных способов пополнения их рядов, исследователи разработали три возможных сценария²⁰, представленные ниже в виде таблицы.

	Численность учащихся в двуязычных классах	Доля выпускников двуязычных классов, сохраняющих языковую практику после окончания школы	Новые взрослые носители языка	Число носителей языка к концу XXI века
Благоприятный сценарий: «поддержание языка»	Растет быстрыми темпами	75 %	Численность растет	250 000
Средний сценарий: «плывем по течению»	Прирост численности сокращается	33 %	400 человек в год	70 000
Неблагоприятный сценарий: «отток»	Прирост численности резко сокращается	20 %	“Мало”	20 000

²⁰ Ofis ar brezhoneg. 2007. «La langue bretonne à la croisée des chemins». <http://www.fr.opab-oplb.org/46-situation-de-la-langue.htm>.

Авторы доклада – которые, заметим, считают передачу языка в семье статистически пренебрежимой – полагают, что «наблюдаемые в настоящее время тенденции позволяют прогнозировать развитие бретонского языка на промежуточном уровне между неблагоприятным и средним сценарием», т.е. число его носителей к концу века будет составлять от 20 до 70 тысяч человек. Насколько этот мрачный прогноз соответствует общественным представлениям о будущем языка?

Чтобы повернуть вспять тенденцию языкового сдвига, нужно, прежде всего, осознать ее реальные масштабы. Защитники бретонского языка бьют во все колокола уже много лет, и, похоже, к концу 1990-х годов их услышали региональные депутаты. Об этом свидетельствует создание Бретонского культурного центра в 1999 году (он стал государственным в 2011), а также единогласно принятый в 2004 году двуязычный документ, определяющий региональную языковую политику, в котором, в частности, говорится: «Региональный Совет Бретани официально признает, наряду с французским, бретонский и галло как языки Бретани» – текст, имевший реальные последствия. Тем не менее, несмотря на все эти меры, часть населения все еще не осознала серьезность ситуации. Некоторые бретонцы, например, отказываются даже представить себе, что их язык может в один прекрасный день исчезнуть.

Давид (37 лет, рабочий, Финистер, интервью записано в 2002 году): Бретонский было бы, конечно, жаль... Но люди будут... Нет, нет, это невозможно! Невозможно представить себе, что бретонский язык может вот так взять и исчезнуть. Это невозможно!»

Опросы общественного мнения также обнаруживают подобные нереалистичные представления. Так, по данным опроса 2003 года, 29,8% бретонцев были «уверены» в будущем языка²¹. Это, конечно, меньшинство населения, но не пренебрежимо малая величина. Кроме того, поразительно, насколько эта уверенность зависит от возраста опрошенных: ее выражают 25,7 % респондентов в возрасте от 18 до 24 лет и 33,4% среди тех, кому за 60. Такое впечатление, что пожилым людям, всю жизнь говорившим на языке, труднее представить

²¹ TMO-Régions. 2003. Опрос, проведенный по инициативе Р. Ле Коадика по заказу газеты Уэст-Франс, Регионального совета Бретани и Банка Креди Мютюэль (Бретань). Квотная выборка составила 1300 человек (тысяча – в административном регионе Бретань и триста человек в департаменте Атлантическая Луара).

себе его исчезновение, нежели молодым, выросшим в среде, где язык представлен слабо. Можно вспомнить в этой связи слова Дж. Фишмана по поводу эффективности взаимодействия со старшими поколениями: «Тысячам «ветеранов», присутствующих на первоклассно организованном конкурсе знатоков языка “икс”, трудно поверить в то, что на следующее утро этот язык будет не в лучшем состоянии, чем накануне» (Fishman 1991, 398). Другой формой ухода от реальности, свойственной отнюдь не только пожилым людям, является нежелание вообще задумываться о будущем, чтобы не предвидеть худшее. Эта страусиная политика достаточно распространена – я могу это утверждать, хотя у меня и нет точных цифр, – среди лиц, очень дорожащих бретонским языком и отказывающихся взглянуть в лицо проблеме и оценить размеры риска, чтобы «не думать о грустном». Возможно, это не лучшее решение, и правильное было бы, напротив, представить себе самый худший вариант, чтобы попытаться избежать его с помощью наиболее подходящих мер.

Что же делать? Прежде всего, позаботиться о качестве.

Специалистам известны проблемы, связанные с качеством языка у выпускников двуязычных школ: ошибки в синтаксисе, грамматике и особенно произношении (Broudic, 2011; Madeg, 2010; Robin, 2008; Le Ruyet, 2009)), однако эти проблемы сравнительно мало обсуждаются в обществе. Источники их, вполне понятные, можно разделить на три группы: слабый уровень внутрисемейной передачи языка; почти полное отсутствие бретонского в повседневной жизни, где абсолютно доминирует французский; а также уровень компетенции преподавателей бретонского языка. Последние, при всей преданности своей работе, обычно имеют те же трудности, что и их ученики: воспитанные с рождения на французском языке и продолжающие жить во франкоязычной среде, они не всегда могут четко провести границу между двумя языками: французским и бретонским. Эту ситуацию можно было бы исправить на разных уровнях: до начала преподавания, увеличив число часов, отводимых на изучение языка в программах университетов и центров подготовки учителей; и после, с помощью программы языковой стажировки для лиц, прошедших по конкурсу на должность преподавателя в двуязычных классах, а также регулярных курсов повышения квалификации учителей на протяжении всей их трудовой деятельности. Такое повышение языковой компетенции, основанное на серьезном анализе уровня языковой подготовки преподавателей, могло бы, вероятно, принести свои плоды. Однако не все зависит от учителей.

Дж. Фишман скептически относится к идее сохранения языков меньшинств с помощью общения молодежи с представителями старшего поколения. Он оценивает ее как успокоительное заблуждение (Fishman 1991, 397). Воздействие такого общения на динамику возрождения языков меньшинств, действительно, рискует быть не слишком эффективным: мы видели, что способность к реальной оценке языковой ситуации с возрастом сокращается. Тем не менее, в случае с бретонским языком вовлечение старших поколений в общение с молодежью представляется в высшей степени желательным. Действительно, сегодня образовалась культурная пропасть между двумя типами носителей языка. «Спонтанные» носители (те, для кого бретонский – родной язык) – в основном люди пожилые, малообразованные, сельские жители, в социальном плане – фермеры, рабочие или ремесленники. Язык, на котором они говорят, богат, музыкален и смачен. Они прекрасно владеют его синтаксисом, но не умеют на нем ни читать, ни писать, а их словарь мало подходит для реалий современной жизни. Напротив, «сознательные» носители – те, кто выучили язык (или чьи родители выучили его) – в основном молодые люди с высшим образованием, горожане, специалисты или работники третьего сектора. Их отличают широкий словарный запас и точное словоупотребление, они умеют читать и писать по-бретонски, но их синтаксис и речевые интонации часто оставляют желать лучшего. Контакты этих двух миров в лингвистическом отношении могут быть очень плодотворны, но в социальном отношении не всегда просты, поскольку их представители – выходцы из разных слоев общества – обладают разными социальными кодами. Существуют различные частные инициативы – например, встречи в школах, проект «искатели памяти», реализуемый уже шестой год в департаменте Финистер, а также несколько обучающих программ с участием представителей разных поколений, открытых для всех желающих. Тем не менее, учитывая, с одной стороны, проблему качества языка, а с другой – предсказуемые демографические изменения, наведение и укрепление мостов между этими двумя мирами должно рассматриваться как неотложная необходимость и приоритетная задача для будущего бретонского языка. Однако и это не самый главный приоритет. Задача номер один – поднять уровень внутрисемейной передачи языка. «Снова и снова сторонники обращения вспять речевого сдвига должны напоминать самим себе, что их цель – межпоколенная передача родного языка» (Fishman, 1991:12). Мы видели, как сильно упал уровень межпоколенной передачи. Мы также видели, что в 2007 году

только 2% жителей Нижней Бретани в возрасте от 20 до 39 лет говорили на бретонском языке. До настоящего времени общественное движение в поддержку бретонского языка прилагало все усилия к тому, чтобы язык нашел свое место в школе, в средствах массовой информации и в общественной жизни. Перед лицом государства, замыкавшего языки меньшинств (так же как религии или любые другие проявления культурной отличительности) в сфере частной жизни, где они задыхались, это было полезным. Тем не менее, сегодня мы стоим перед новым вызовом, перед необходимостью преодолеть еще одну преграду – а именно, возобновить передачу языка в семье. Для этого могут быть организованы информационные кампании, финансируемые территориальными сообществами, или установлены стипендии для родителей учеников двуязычных школ, которые сами захотят изучить бретонский язык. Наконец, можно инициировать общественное обсуждение возможного усиления «домашне-семейно-соседского сообщества, (которое) представляет собой ядро всего процесса межпоколенной трансмиссии языка», как справедливо отметил Дж. Фишман (Fishman, 1991:398).

Заключение

У бретонского языка на протяжении его истории было несколько врагов. Внешний враг – французское государство, в значительной мере базирующееся на общепольском языковом единстве – конечно, сыграл свою роль. Но существует и внутренний враг – сами бретонцы, подчинившиеся государственной идеологии монолингвизма, смирившиеся со своим коллективным положением угнетенного меньшинства и отказавшиеся от своего языка ради социальных выгод. Сегодня государство более не занимает враждебную позицию в отношении региональных языков как таковых. Оно лишь препятствует их возможной институционализации. Что же касается бретонцев, они сами становятся отчасти врагами бретонского языка, когда позволяют себе самоуспокоенность относительно его будущего, проявляют безразличие или недостаток инициативы. Нет спору, язык понес невосполнимые утраты, но еще не все потеряно: «к оценке успеха стоит подходить не с позиции абсолютных показателей, (...), но скорее с функциональной, ситуационной и контекстуальной точки зрения (...). Нет таких языков, для которых совсем ничего нельзя сделать» (Fishman 1991, 12).

Библиография

- AN DU, C. 2000. Histoire d'un interdit le breton a l'école. Lannion: Hor Yezh.
- BARÈRE, B. 1794. Rapport et projet de décret présentés au nom du comité de salut public, sur les idiomes étrangers, et l'enseignement de la langue française
- BLANCHET, P. 1995. « À propos de la pratique du breton de l'ancien régime à nos jours, de Fañch Broudic ». *La Linguistique* 31(2): 153-157
- BOËTTÉ, I. 2003. « Langue bretonne et autres langues : pratique et transmission ». *Octant* (92): 18-22
- BROUDIC, F. « L'opinion des Bretons sur leur langue ». <http://www.langue-bretonne.com/sondages/BretonOpinion.html> (Consulté juin 15, 2011)
- BROUDIC, F. 1993. « Évolution de la pratique du breton de la fin de l'ancien régime à nos jours »
- BROUDIC, F. 1995. *La pratique du breton de l'Ancien Régime à nos jours*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes (PUR)
- BROUDIC, F. 2009. *Parler breton au XXIe siècle : le nouveau sondage de TMO Régions*. Brest: Emgleo Breiz
- BROUDIC, F. 2011. *L'Enseignement du et en Breton*. Emgleo Breiz
- CHANET, J.-F. 1996. *L'école républicaine et les petites patries*. Aubier Montaigne
- DIECKHOFF, A. 1997. *La Nation dans tous ses états*. Flammarion
- FISHMAN, J. A. 1991. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. *Multilingual Matters*
- FLEURIOT, L. 1980. *Les Origines de la Bretagne : L'émigration*. Paris: Payot
- FLEURIOT, L. 1987. « Langue et société dans la Bretagne ancienne ». Dans *Histoire littéraire et culturelle de la Bretagne*, éd. Jean Balcou et Yves Le Gallo. Paris-Genève: Champion-Slatkine, p. 7-28
- GEMIE, S. *Brittany, 1750-1950: The Invisible Nation*. University of Wales Press, 2007
- HÉRAN, F., FILHON, A. et DEPPEZ, Ch., 2002. « La dynamique des langues en France au fil du XXe siècle ». *Populations et société* (376): 1-4. См. в русском переводе: Эран Ф., Филон А., Депре К. Динамика языковой ситуации во Франции в XX веке. В кн.: Филиппова Е.И. Французские тетради. Диалоги и переводы. М., 2008. Сс. 150-155
- LAMBERT, P.-Y. 2010. « Le mirage des celtisants du XXe siècle: le "Celtique insulaire" »
- LE COADIC, R. 1998. *L'identité bretonne*. Rennes: Terre de brume et Presses universitaires de Rennes
- LE COADIC, R. 2001. « Langue et modernité ». *Klask* (7): 45-50
- LE COADIC, R. 2004. *La Bretagne dans 20 ans*. Brest: Éditions Le Télégramme

- LE COADIC, R. 2010. « La remise en question (1992-2000) ». Dans Histoire d'un siècle, Bretagne 1901-2000 : l'émancipation d'un monde, éd. Jean-Jacques Monnier. Morlaix: Skol Vreizh, p. 323-377
- LE GALLO, Y. 1987. « Basse-Bretagne et Bas-Bretons (1800-1870) ». Dans Histoire littéraire et culturelle de la Bretagne, éd. Jean Balcou et Yves Le Gallo. Paris-Genève: Champion-Slatkine
- MONNIER, J.-J. et Cassard, J.-Ch. (éd.) 1997. Toute l'histoire de Bretagne Des origines à la fin du Xxe siècle. Skol Vreizh
- MOSELEY, Ch. 2010. Atlas Des Langues En Danger Dans Le Monde. Spi. Paris: Unesco
- PIRIOU, Y.-B. 1971. Défense de cracher par terre et de parler breton. Poèmes de combats 1950-1970. Anthologie bilingue. Oswald Jean
- ROBIN, J.-D. 2008. « Priziadeg war ar brezhoneg miz even 2008. Klasoù CM2 divyezhek, Departamant Aodoù-an-Arvor. Renabl ha dielfennadenn ar mankoù pennañ ». Évaluation de la langue bretonne dans les classes de CM2 bilingues du département des Côtes-d'Armor. Inédit